

Представь,
что однажды
твоя мать
просто исчезнет...
Кого ты будешь
винить?

Многомиллионный
бестселлер

MAN ASIAN
LITERARY PRIZE

ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗАБОТЬСЯ О МАМЕ

Кун-Суук Шин

Кун-Суук Шин

Пожалуйста, позаботься о маме

«Центрполиграф»

2008

Шин К.

Пожалуйста, позаботься о маме / К. Шин — «Центрполиграф», 2008

Пак Соньо – преданная жена и любящая мать четверых детей. Всю жизнь она посвятила семье. Как умела, любила и жалела мужа, который вечно искал для себя какой-то другой жизни, пока она стирала, готовила, шила, вязала, выращивала фрукты и овощи, борясь с нищетой, бралась за любую работу, чтобы собрать еще хоть немного денег для своих детей. Ее главной мечтой было дать детям то, чего не было у нее – образование, знания, возможность увидеть целый мир, посвятить себя любимому делу. Ради этого она трудилась не жалея сил. Всем своим детям Пак Соньо помогла встать на ноги, но они, так же как их отец, поняли, как она им дорога, только когда старая женщина внезапно исчезла, просто потерялась в толпе железнодорожного вокзала большого города...

© Шин К., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кун-Суук Шин

Пожалуйста, позаботься о маме

1

Одному богу известно

С тех пор как пропала мама, прошла уже целая неделя.

Вся семья собралась в доме твоего старшего брата Хун Чола, обсуждая план дальнейших действий. Ты предлагаешь распечатать листовки и раздавать их там, где маму видели в последний раз. Первое, что необходимо сделать, соглашаются все, – придумать подходящий текст. Конечно, листовка – самый старомодный способ в подобной ситуации. Но для семьи пропавшего человека все средства хороши, особенно когда этот человек – ваша мама. В вашем арсенале не так уж много средств, вы можете написать заявление об исчезновении, обыскать близлежащие окрестности, расспросить прохожих, не видели ли они женщину, похожую на маму. Твой младший брат, у которого собственный интернет-магазинчик по продаже одежды, говорит, что разместил на своем сайте объявление о том, что мама пропала; он загрузил ее фотографию и попросил всех, кто видел ее, связаться с нашей семьей. Ты хочешь поискать маму в тех местах, куда она могла отправиться, но вспоминаешь, что она никуда не ходила одна в этом городе. Хун Чол поручает составить текст листовки именно тебе, поскольку ты зарабатываешь на жизнь писательством. Ты заливаешься краской, словно тебя застукали за непристойным занятием. И совсем не уверена, что твой писательский талант пригодится в поисках мамы.

Когда ты записываешь дату рождения мамы – 24 июля 1938 года, отец поправляет тебя, говоря, что она родилась в 1936 году. Ты знаешь, что по документам она родилась в 1938-м, но, очевидно, настоящий год ее рождения – 1936. Отец говорит, что раньше это было в порядке вещей, поскольку многие дети рано умирали, и поэтому родители растили их несколько лет, прежде чем оформить свидетельство о рождении. Когда ты уже собираешься исправить «38» на «36», Хун Чол вдруг заявляет, что следует оставить 1938 год, потому что эта дата значится в документе. Тебе приходит в голову, что не стоит проявлять излишнюю щепетильность в деталях, когда дело касается сочинения текста для частной листовки, и ты сейчас не в полицейском участке, но послушно зачеркиваешь «36» и вписываешь цифру «38», думая о том, действительно ли 24 июля – настоящий день рождения мамы.

Несколько лет назад мама как-то сказала, что не стоит отдельно отмечать ее день рождения. У отца день рождения на месяц раньше маминого. Ты и твои братья встречались в родительском доме в родном поселке Чонгап на дни рождения и другие праздники. Всего собиралось двадцать два ближайших родственника. Мама любила, когда приезжали дети и внуки, и пчелкой кружилась по дому. За несколько дней до торжества она непременно готовила свежее кимчхи¹ и отправлялась на рынок, чтобы купить говядину и запастись дополнительными тюбиками зубной пасты и зубными щетками. Она отжимала кунжутное масло и молола семена кунжута и периллы, чтобы перед отъездом снабдить детей бутылочками и баночками домашних заготовок. В ожидании их приезда мама заметно воодушевлялась, в ее словах и жестах, когда она разговаривала с соседями и знакомыми, сквозила гордость за свою семью. Мама заполняла стеклянные баночки сливовым и земляничным соком, который готовила каждый год, крошеч-

¹ Кимчхи – традиционная корейская закуска, приготовляемая из овощей с добавлением красного перца, имбиря, чеснока и других пряностей.

ными солеными рыбками, пастой из анчоусов или квашеными моллюсками, которые соби-
лась отправить в город детям и внукам. Когда она узнала, что лук очень полезен для здоровья,
тут же стала готовить луковый сок, а осенью – тыквенный, с добавлением лакрицы. Дом твоей
мамы напоминал фабрику, мама неустанно трудилась круглый год, готовя для семьи соусы,
бобовую пасту и лущенный рис. В какой-то момент дети стали реже приезжать в Чонгап, и мама
с отцом принялись чаще навещать их в Сеул. А затем вы стали отмечать каждый их день
рождения в ресторане. Так было намного проще. И тогда мама предложила отмечать ее день
рождения в день рождения отца. Она заявила, что, поскольку оба они родились жарким летом,
нелегко в точности соблюсти две семейные церемонии с разницей в месяц. Поначалу семья
возражала, несмотря на настойчивые увещания мамы, и, если она отказывалась приезжать в
город, несколько человек отправлялись в деревню и праздновали вместе с ней. А затем вы все,
словно сговорившись, стали дарить маме подарки в день рождения отца. И вот, в конце концов,
тихо и незаметно, день рождения мамы был забыт. Мама, которая обожала покупать носки для
каждого члена своей большой семьи, накопила в своем комодке огромную коллекцию, потому
что дети перестали забирать ее подарки, как прежде.

Имя: Пак Соньо

Дата рождения: 24 июля 1938 г. (69 лет)

Приметы: короткие волосы с проседью, химическая завивка, скуластое лицо, в момент
исчезновения на ней были голубая блузка, белый жакет и бежевая плиссированная юбка.

Последний раз ее видели: на станции метро «Сеульский железнодорожный вокзал».

Никто не знал, какую фотографию мамы выбрать. Все понимали, что это должен быть
один из последних снимков, но, как назло, ни у кого не оказалось такого. Ты вспоминаешь, что
в какой-то момент мама вдруг перестала фотографироваться. Она отказывалась позировать
даже для семейных фото. Последняя фотография мамы была сделана на семейном торжестве в
честь семидесятилетнего юбилея отца. Мама выглядела очень мило в бледно-голубом платье,
с прической, сделанной в салоне, и накрашенными красной помадой губами. Твой младший
брат заявляет, что на этой фотографии мама выглядела иначе, чем в повседневной жизни. Он
считает, что посторонние люди едва ли смогут узнать ее, даже если увеличить снимок. Брат
говорит, что, когда он разместил в Интернете эту фотографию, люди писали: «Ваша мама очень
симпатичная женщина и не выглядит как человек, который может потеряться». Вы все решаете
поискать другую фотографию мамы. Хун Чол советует тебе написать в листовке что-нибудь
еще. Когда ты с непонимающим видом поднимаешь на него глаза, он объясняет, что стоит
подобрать другие слова, чтобы сыграть на чувствах читателя. Слова, которые могут сыграть на
чувствах читателя? Когда ты пишешь: «Пожалуйста, помогите нам найти нашу мать», ему это
кажется слишком простым и неярким. Когда ты пишешь: «У нас пропала мать», он заявляет,
что слово «мать» звучит слишком официально, и требует, чтобы ты написала «мама». Когда ты
пишешь: «У нас пропала мама», он вдруг решает, что это выглядит чересчур ребячливо. Когда
ты выдаешь: «Пожалуйста, свяжитесь с нами, если видели эту женщину», он вдруг огрызается:

– Ну что ты за писатель?

Ты не можешь придумать ничего, что понравилось бы Хун Чолу.

Твой другой брат замечает:

– Ты сыграешь на чувствах читателя, если напишешь, что нашедшего ждет вознагра-
ждение.

Когда ты пишешь: «Мы щедро вознаградим вас», твоя невестка уточняет, что люди обра-
тят внимание на информацию, только если ты назовешь определенную сумму.

– Так какую же сумму мне стоит написать? Миллион вон?

– Это мало.

– Три миллиона вон?

– Думаю, и этого тоже мало.

– Тогда пять миллионов вон.

Никто не возражает против пяти миллионов вон, и ты пишешь: «Мы обещаем вознаграждение в пять миллионов вон» – и ставишь точку. Хун Чол заявляет, что написать следует так: «Вознаграждение: пять миллионов вон», а младший брат советует выделить *пять миллионов вон* крупным шрифтом. Все соглашаются, что следует напечатать в листовке другую, более реалистичную фотографию мамы, если удастся такую отыскать. Тебе поручают внести добавления в листовку и сделать копии, а твой младший брат вызывается забрать листовки и раздать всем родственникам. Когда ты предлагаешь нанять кого-нибудь для расклеивания листовок, Хун Чол резко отвечает:

– Это касается только нашей семьи. Каждый из нас будет расклеивать их в свободное время на неделе, а в выходные мы встретимся и непременно займемся этим все вместе.

Ты ворчишь:

– Разве таким образом мы когда-нибудь найдем маму?

– Мы не можем сидеть сложа руки и уже делаем все, что от нас зависит, – резко возражает Хун Чол.

– Что ты имеешь в виду под «делаем все, что от нас зависит»?

– Мы поместили объявление в газете.

– Значит, все, что от нас зависит, – это всего лишь покупка рекламного места в газете?

– А что ты еще предлагаешь? Возможно, нам завтра же стоит бросить работу и просто слоняться по городу в бесцельных поисках? Если в этом случае нам удастся найти маму, то я готов.

Ты умолкаешь. Оставив отца в доме Хун Чола, все расходятся по домам. Если вы сейчас не разойдетесь, то споры никогда не утихнут. Так продолжалось всю прошлую неделю. Вы собирались, чтобы обсудить, как найти маму, и кто-то из вас вдруг неожиданно начинал вспоминать об обидах, незаслуженно нанесенных ей в прошлом. У каждого нашлось что вспомнить, каждый из вас был по-своему виноват. И то, что раньше замалчивалось и скрывалось, то, о чем старательно избегали говорить, вдруг прорывалось наружу, словно вскрывшийся нарыв, и вот вы все начинали носиться по дому, орать, курить не переставая и, в конце концов, по очереди выбегали из дома, хлопая дверью.

Впервые услышав о мамином исчезновении, ты гневно воскликнула, почему же никто из нашей большой семьи не удосужился встретить их с отцом на вокзале.

– А где была ты?

– Я? — Ты умолкаешь. Ведь ты сама узнала об этом происшествии лишь четыре дня спустя. Все вы обвиняли друг друга в исчезновении мамы, и все ощущали обиду и боль.

Покинув дом Хун Чола, ты направляешься домой на метро, но выходишь на станции «Сеульский железнодорожный вокзал». Вокруг тебя суетятся толпы людей, толкая тебя, когда ты пробираешься к тому месту, где в последний раз видели маму. Ты переводишь взгляд на часы. Сейчас как раз три часа, именно в это время пропала мама. Люди снуют по платформе, отпихивая тебя, а ты безмолвно стоишь на том месте, где мама выпустила руку отца. Никто ни разу не извинился. Наверняка люди точно так же толкались, когда на этом самом месте растерянно стояла мама.

Как далеко заходят наши воспоминания о других людях? Твои воспоминания о маме?

С тех пор как ты узнала об исчезновении мамы, ты не в состоянии ни на чем сосредоточиться, мысли утекают, как песок сквозь пальцы, и совершенно неожиданно в памяти всплывают давно забытые воспоминания. И каждое – носит привкус горечи. Несколько лет назад, незадолго до твоего отъезда в столицу, мама взяла тебя с собой в магазин одежды на рынке. Ты выбрала простое платье, но она предложила тебе другое – с оборками на манжетах.

– А как насчет этого?

– Нет, – откликнулась ты, отпихивая платье.

– Почему нет? Примерь это платье. – В ту пору еще молодая мама широко раскрыла глаза, не понимая твоего упрямства. Платье с оборками слишком сильно отличалось от того грязного платка, которым мама повязывала голову, как большинство женщин в сельской местности, чтобы защитить глаза от пота во время работы в поле.

– Оно слишком детское.

– Неужели? – удивилась мама, но продолжила внимательно разглядывать платье, словно не хотела уходить. – На твоём месте я бы примерила его.

Чувствуя себя неловко оттого, что назвала платье детским, ты сказала:

– Тебе оно тоже не подходит.

– Нет, мне нравится такая одежда, просто у меня не было возможности её носить, – откликнулась мама.

Надо было примерить то платье. Ты присаживаешься на корточки на том самом месте, где, возможно, сидела мама. Через несколько дней после того, как ты настояла на покупке простого платья, вы с мамой приехали на эту самую станцию. Крепко держа тебя за руку, она широкими шагами прокладывала себе дорогу в море людей, наводнявших вокзал, с таким видом, которого испугались бы даже внушительные здания, свысока наблюдающие за вами. Мама уверенно направлялась через площадь к башенным часам, где условилась встретиться с Хун Чолом. И как такой человек мог потеряться? Едва фары приближающегося к платформе поезда вынырнули из темноты тоннеля, люди ринулись вперед, бросая на тебя недовольные взгляды, раздраженные тем, что ты путаешься у них под ногами.

* * *

В тот момент, когда мама выпустила руку отца, ты была в Китае. С компанией коллег ты отправилась на Пекинскую книжную ярмарку. В то время как ты бегло просматривала свою книгу, переведенную на китайский, твоя мама бесследно растворилась на «Сеульском железнодорожном вокзале».

– Отец, почему вы не поехали на такси? Не спустись вы в метро, ничего бы не произошло!

Отец сказал, что подумал: зачем брать такси, если вокзал сообщается со станцией метро? Бывают такие моменты, к которым продолжаешь мысленно возвращаться после того, как что-нибудь произошло, особенно что-то плохое. Моменты, в которые человек думает о том, что ему не следовало поступать подобным образом. Почему, когда отец всех предупредил, что они с мамой сами доберутся до дома Хун Чола, никто не отговорил его? Каждый раз, когда родители приезжали в город, кто-нибудь из детей отправлялся на вокзал или автовокзал, чтобы встретить их. И что заставило отца, который привык, приезжая в город, брать такси, именно в тот самый день воспользоваться метро? Мама с отцом ринулись к подошедшему к платформе поезду, отец вошел в вагон, а когда обернулся, мамы рядом не оказалось. Как нарочно, это произошло в оживленный субботний полдень. Маму оттеснили от отца в толпе, и поезд тронулся, прежде чем она успела понять, что произошло. Отец нес мамину сумку. И вот в тот момент, когда мама осталась одна на станции метро, ты уходила с книжной ярмарки, направляясь в сторону площади Тяньаньмэнь. Это был твой третий приезд в Пекин, но ты еще не успела побывать на площади Тяньаньмэнь и видела ее только из окна автобуса или такси. Студент, который сопровождал группу, предложил проводить вас на площадь, и все с радостью ухватились за эту идею. Что делала мама, оставшись одна, на станции метро, когда ты вылезала из такси напротив Запретного города? Вы прошли в Запретный город, но почти сразу же вышли, потому что часть павильонов дворца закрыта на реконструкцию, да и время было позднее. В Пекине велось активное строительство, город тщательно готовился к предстоящим Олимпийским играм. Ты вспомнила сцену из фильма «Последний император», в которой пожилой Пу И возвращается в Запретный город, где прошло его детство, и показывает мальчику-туристу

шкатулку, которую когда-то спрятал в троне. Когда он открывает шкатулку, оттуда выползает его ручной сверчок, который прожил там все эти годы. Неужели в тот момент, когда ты уже собралась направиться на площадь Тяньаньмэнь, мама, растерянная, стояла в толпе? Ждала ли она, что за ней приедут? Дорога между Запретным городом и площадью Тяньаньмэнь тоже закрыта на реконструкцию. Ты видела раскинувшуюся перед тобой площадь, но попасть туда можно было только окольными путями. И когда ты наблюдала за воздушными змеями, парившими в небе над площадью Тяньаньмэнь, мама, сраженная отчаянием, могла упасть в проходе, шепча твое имя. В тот момент, когда ты смотрела, как распахиваются стальные ворота на площадь Тяньаньмэнь и, высоко вскидывая ноги и чеканя шаг, появляется эскадрон полицейских, чтобы спустить государственный флаг с пятью звездочками, в этот самый момент мама, возможно, бродила в лабиринте проходов «Сеульского вокзала». Ты понимаешь, что, скорее всего, так оно и было, потому что нечто подобное рассказывали очевидцы, видевшие маму в то время на станции. Кто-то заметил пожилую женщину, которая медленно бродила по станции, иногда усаживаясь на пол, или безучастно стояла около эскалаторов. Другие говорили, что пожилая женщина долго сидела на станции, а затем села в подошедший поезд. Через несколько часов после исчезновения мамы вы вместе с группой взяли такси и направились по ночному городу на яркую Снэк-стрит, где, сгрудившись тесной компанией под красными фонариками, пили китайскую водку и лакомились горячим крабовым мясом, обжаренным в остром масле.

* * *

Отец вышел из вагона на следующей станции и вернулся обратно, но мама уже бесследно исчезла.

– И как она могла так растеряться из-за того, что не села в тот же вагон? Там ведь повсюду развешаны указатели. Мама знает, что можно просто позвонить по телефону. Она могла бы позвонить из телефона-автомата. – Твоя невестка твердо уверена, что с мамой что-то произошло, а как иначе, если она не смогла найти дом родного сына только потому, что в метро не успела сесть в один вагон с отцом. С мамой что-то случилось. Это мнение человека, который думал о ней как о прежней маме.

Когда ты возражаешь: «Мама вполне может потеряться, ты же знаешь», твоя невестка удивленно округляет глаза.

– Ты же знаешь, какой стала мама в последнее время, – объясняешь ты, а твоя невестка в ответ корчит гримасу, словно понятия не имеет, о чем речь. Но все в семье знали, какой была мама в последнее время, и понимали, что отыскать ее будет очень сложно.

Когда ты впервые обнаружила, что мама не умеет читать?

Ты написала свое первое письмо, когда мама попросила написать за нее письмо Хун Чолу вскоре после его отъезда в город. Ты писала под ее диктовку. Хун Чол окончил школу в небольшой деревеньке, откуда родом вся наша семья, затем целый год готовился дома к экзамену на должность государственного служащего, а затем отправился в город, чтобы пройти первый вступительный экзамен. Тогда мама впервые разлучилась с одним из своих сыновей. В то время в доме не было телефона, и они писали друг другу письма. Хун Чол посылал ей письма, написанные крупными буквами. Мама всегда чувствовала, когда придет очередное письмо от Хун Чола. Почтальон обычно появлялся около 11 утра, он медленно ехал по улице, и его большая сумка свисала с руля велосипеда. В те дни, когда приходили письма от Хун Чола, мама возвращалась с поля или с ручья, где она обычно стирала, чтобы лично получить письмо у почтальона. А затем она дожидалась, когда ты вернешься из школы, вела тебя на заднее крыльцо и доставала письмо.

– Прочти вслух, – просила она.

Письма Хун Чола неизменно начинались словами: «Горячо любимая матушка». Словно пользуясь пособием по написанию писем, он спрашивал, как поживает семья, и сообщал, что

у него все хорошо. Хун Чол писал, что раз в неделю относит постирать свое белье жене отцовского двоюродного брата, и она стирает для него, по просьбе мамы. Брат сообщал, что хорошо питается, ночует на работе, и просил маму не беспокоиться о нем. Хун Чол также писал, что ему по плечу любая работа в большом городе и он много чем хотел бы заняться. Он даже как-то обмолвился, что мечтает добиться успеха и обеспечить маме достойную жизнь. Двадцатилетний Хун Чол любезно добавлял в своем письме: «Так что, матушка, не беспокойтесь обо мне и, пожалуйста, берегите свое здоровье». Когда в этот момент ты украдкой кидала взгляд на маму, то замечала, что она пристально разглядывает стебли колоказии, растущей на заднем дворе, или смотрит на полку, уставленную глиняными горшками с соусами и приправами. Она вся превращалась в слух, стараясь не пропустить ни одного слова. Когда ты заканчивала чтение, мама диктовала тебе ответное письмо для брата. Ее письмо всегда начиналось со слов: «Дорогой Хун Чол». И ты писала: «Дорогой Хун Чол». Мама никогда не просила тебя поставить точку, но ты всегда делала это. Когда она восклицала: «Хун Чол!» – ты послушно восклицала на бумаге: «*Хун Чол!*» Когда мама останавливалась, назвав его по имени, словно забыв, что же она хотела сказать, ты убирала за уши непослушные пряди волос и терпеливо дожидалась продолжения, зажав между пальцами шариковую ручку и уставившись на лист бумаги. Когда она продолжала: «А у нас похолодало», ты писала: «*У нас похолодало*». Мамины слова «Дорогой Хун Чол» всегда сопровождало какое-нибудь замечание о погоде: «Сейчас здесь много цветов, ведь настала весна». Или: «Сейчас лето, поэтому рисовое поле начинает высыхать». Или: «У нас сезон урожая и по краям рисового поля очень много бобов». Обычно мама использовала местный диалект, но тут же забывала о нем, когда дело касалось письма Хун Чолу. «Не беспокойся за нас и, пожалуйста, береги себя. Это единственное, чего хочет твоя мама». Мамины письма были пронизаны искренними чувствами: «Мне так жаль, что я ничем не могу тебе помочь». Пока ты старательно записывала мамины слова, она смахивала набегавшую слезу. Последними словами в ее письмах всегда были: «Постарайся хорошо питаться. *Мама*».

Третья из пятерых детей в семье, ты единственная стала свидетельницей боли и страданий мамы и очень переживала, когда приходило время других детей покинуть родной дом. Каждое утро на рассвете, после отъезда Хун Чола, мама протирала глянцево-глиняные горшочки с соусами, расставленные на полке на заднем дворе. Колодец находился за воротами, и носить воду на задний двор было занятием обременительным, но она старательно промывала каждый горшочек. Она снимала все крышки и протирала их до блеска. В такие моменты мама тихонько напевала себе под нос: «Если бы нас с тобой не разделял бесконечный океан, не было бы мучительного прощания...» Ее ладони торопливо окунали тряпку в холодную воду, выкручивали ее и снова остервенело терли горшки, а мама продолжала петь: «Надеюсь, настанет день, когда ты больше не покинешь меня». И если в тот момент ты звала ее, она оборачивалась, и в ее больших добрых глазах стояли слезы.

Мама сильно любила Хун Чола и частенько готовила миску лапши в мясном бульоне с мясом и овощами специально для него, когда он возвращался под вечер из школы, где допоздна сидел за книгами. Когда ты как-то упомянула об этом в разговоре со своим другом Ю Бином, тот заметил:

– Подумаешь, это всего лишь лапша, что тут такого?

– Что тут такого? В то время лапша была для нас самым изысканным лакомством! Деликатесом, который ты съедала тайком и ни с кем не делилась! – И хотя ты подробно объяснила ему значение этого ритуала, он, парень из города, не придавал ему значения.

Когда это изысканное кушанье под названием «лапша с мясом и овощами» появилось в вашей жизни, то сразу же превзошло все блюда, которые когда-либо готовила мама. Мама покупала лапшу и прятала ее в банке среди глиняных горшочков, собираясь вечером приготовить ее для Хун Чола. Но аромат горячей лапши неизменно будил тебя и брата с сестрой

среди ночи. Когда мама сурово приказывала вам: «Немедленно возвращайтесь в постель», вы с сестрой и братом не сводили голодных глаз с Хун Чола, который как раз собирался приступить к еде. Ему становилось неловко, и он предлагал вам попробовать немного его лапши. И тогда мама замечала: «И как это так происходит, что вы все тут как тут, едва запахнет едой?» – и наполняла кастрюлю водой, чтобы приготовить новую порцию лапши, а затем делила ее между вами. Вы были несказанно счастливы, получив по миске, в которой оказывалось больше бульона, чем лапши.

После отъезда старшего брата в город, каждый раз доставая горшочек с лапшой, мама горестно вскрикивала: «Хун Чол!» – и бессильно опускалась на землю. Ты отнимала у нее ветошь и помогала ей подняться, обняв ее за плечи. И мама разражалась безутешными рыданиями, не в силах справиться с тоской по своему первенцу.

Мама тосковала, когда ее дети один за другим покидали отчий дом, и единственное, что ты могла сделать для нее, это вслух читать ей их письма и опускать в почтовый ящик ее письма по пути в школу. Но даже тогда ты не представляла, что мир писем для нее недоступен. И почему тебе не приходило в голову, что мама не умела ни читать, ни писать, хотя видела, что она во всем полагалась на тебя, словно ребенок, когда ты читала ей вслух письма братьев и писала за нее ответы для них? Ты воспринимала ее просьбы как обычные рутинные обязанности помощницы по хозяйству, как, например, сходить в сад и нарвать просвирника или отправиться в лавку за керосином. Вероятно, мама больше никого не просила об этой услуге, потому что ты никогда не получала от нее писем. А может быть, потому, что ты сама никогда ей не писала? Или, возможно, всему виной был телефон. К тому времени, когда ты уехала в город, в доме председателя деревни появился телефон-автомат. Это был первый телефон в вашем маленьком фермерском поселке, мимо которого время от времени проносился поезд, звонко стуча колесами по рельсам, теряющимся в бескрайних просторах полей. Каждое утро местные жители слышали, как председатель проверяет микрофон, а затем объявляет, кому необходимо прийти, чтобы ответить на звонок из Сеула. Твои братья стали звонить в деревню по телефону. После появления телефона люди, чьи родственники жили в городе, даже работая в поле, внимательно прислушивались к голосу из микрофона, пытаясь угадать, кому звонят на этот раз.

Странно, но в жизни часто происходит так, что мать и дочь могут быть невероятно близки или же, наоборот, стать абсолютно чужими людьми.

До прошлой осени ты считала, что хорошо знаешь, что любит мама, как успокоить ее, когда она волнуется, что ей будет приятно услышать. Если тебя спрашивали, чем занята мама, ты мгновенно находила ответ: возможно, она сушит папоротник; если это воскресенье, она должна быть в церкви. Но прошлой осенью твоя вера в то, что ты видишь маму насквозь, основательно пошатнулась. Как-то ты приехала домой, не предупредив заранее о своем приезде, и с удивлением обнаружила, что тебя принимают как гостью. Мама сокрушалась из-за неприбранного двора и несвежих покрывал. Она поспешно подхватила полотенце с пола и повесила его, торопливо смахнула крошки со стола. Она заглянула в холодильник и, хотя ты пыталась остановить ее, тут же помчалась на рынок. В кругу семьи вы не станете смущаться из-за крошек на столе и отвлекаться на другие подобные мелочи. Ты вдруг поняла, что стала чужой в родном доме, наблюдая, как мама пытается замаскировать свою повседневную и далеко не идеальную жизнь.

А возможно, ты стала чужой гораздо раньше, сразу, как только перебралась в город. Когда ты уехала из родного дома, мама перестала бранить тебя. А прежде она резко отчитывала тебя за малейший проступок. С детства мама всегда обращалась к тебе не иначе как «ты, девочка». Обычно она говорила это вам с сестрой, когда пыталась объяснить различие между дочерьми и сыновьями, и еще мама называла тебя «ты, девочка», когда требовала отказаться от плохих привычек, критиковала твою манеру есть фрукты, походку, одежду и речь. Но иногда она казалась действительно озабоченной и внимательно вглядывалась в твое лицо. Она смотрела на

тебя с обеспокоенным видом, когда ей требовалась твоя помощь, чтобы расправить уголки накрахмаленных покрывал, или хотела, чтобы ты набила очаг хворостом и разожгла огонь, чтобы приготовить рис. Однажды холодным зимним днем вы с мамой пришли к колодцу, чтобы почистить ската, которого она всегда готовила на Новый год, и неожиданно мама сказала:

– Ты должна усердно учиться, чтобы пробиться в лучшую жизнь.

Поняла ли ты тогда ее слова? Если она всю брала тебя, ты все чаще обращалась к ней именно так – мама. Это слово такое родное и теплое и скрывает в себе жалобную просьбу: *Пожалуйста, позаботься обо мне. Пожалуйста, перестань на меня кричать и погладь меня по голове; пожалуйста, будь всегда на моей стороне, права я или нет.* Ты никогда не переставала называть ее мамой. Даже теперь, когда мама пропала. Произнося слово «мама», ты хочешь верить, что она здорова и ничто не тревожит ее. Именно маму тебе всякий раз хочется позвать, когда тебя охватывает отчаяние в этом огромном городе.

Прошлой осенью ты не сообщила о приезде вовсе не потому, что хотела освободить маму от хлопот в ожидании твоего появления. Ты отправилась по делам в Поханг. Родительский дом находится достаточно далеко от Поханга, куда ты прилетела рано утром. И даже поднявшись на рассвете и отправившись в аэропорт, ты еще не знала, что соберешься навестить маму в Чонгапе. Из Поханга туда добираться дольше и сложнее, чем из Сеула. И ты не предполагала, что решишься на эту поездку.

Когда ты добралась до родительского дома, ворота оказались распахнуты. Дверь в дом тоже была нараспашку. На следующий день у тебя была запланирована встреча с Ю Бином за ланчем, поэтому ты собиралась вернуться обратно вечерним поездом. И хотя ты родилась в этом поселке, теперь он казался тебе незнакомым местом. Единственное, что напоминало о детстве, – три каменных дерева, теперь уже старых, растущих у ручья. Направляясь к родительскому дому, ты решила пойти по тропинке, бегущей мимо ручья, струящегося в тени каменных деревьев вдали от большой дороги. Если идти по тропинке, то как раз доберешься до задней калитки. Давным-давно прямо за калиткой находился колодец, которым пользовались все соседи. С появлением в деревне водопровода его зацементировали, но, прежде чем войти в дом, ты остановилась на том месте, где когда-то был старый колодец. Ты постучала ногой по прочному цементу в том месте, где находился этот обильный источник. Тебя захлестывали нахлынувшие воспоминания. Что происходило с колодцем в темноте под землей, с источником, который давал воду всем жителям улицы и до сих пор еще жив и плещется в темной глубине? Тебя не было в поселке, когда замуровывали колодец. Однажды ты приехала домой, а вместо колодца на прежнем месте оказалась лишь твердая зацементированная площадка. Возможно, потому, что ты не видела, как замуровывали колодец, ты по-прежнему представляла, что он здесь, под этим цементом, до краев наполненный водой.

Ты немного постояла на месте бывшего колодца, а затем вошла в калитку, зовя маму. Она не откликалась. Неяркий свет осеннего солнца согревал дворик, выходящий на запад. Ты вошла в дом, но ни в гостиной, ни в спальне мамы не оказалось. В доме царил беспорядок. Открытый кувшин с питьевой водой стоял на столе, а чашка сиротливо притулилась на краю раковины. Перевернутая корзина с тряпьем валялась на циновке в гостиной, а на диване раскинула свои рукава-крылья грязная мужская рубашка, словно отец только что снял ее. Послеполуденное солнце освещало пустую комнату.

– Мама! – И хотя ты уже поняла, что в доме никого нет, ты позвала еще раз: – Мама!

Ты вышла из дома и тут только заметила маму, лежащую на деревянном лежаке под навесом около сарая.

– Мама! – позвала ты, но она не откликнулась. Ты надела туфли и поспешила к навесу. Оттуда открывался вид на весь двор. Когда-то мама варила под этим навесом солодовый напиток. Это было удобное место, особенно после того, как его объединили с расположенным рядом

свинарником. Она расставила на полках старую кухонную утварь, а внизу расположились стеклянные банки с соленьями и консервами. Мама сама притащила под навес деревянный лежак. После того как снесли старый дом, а на его месте построили дом в западном стиле, она, так и не привыкнув к новой современной кухне, сидя на этом лежаке, выполняла свою обычную работу по кухне. Она молола в ступке красный перец для приготовления кимчи, очищала от шелухи бобовые стручки, готовила пасту из красного перца, солила капусту для зимнего кимчи или сушила брусочки соевого творога.

Собачья будка рядом с навесом пустовала, цепь валялась рядом на земле. Ты вдруг вспомнила, что не слышала собачьего лая, войдя в дом. Оглядываясь в поисках пса, ты приблизилась к маме, но она не пошевелилась. Она, судя по всему, нарезала цукини, собираясь просушить на солнце. Доска для резки овощей, нож и целые плоды цукини лежали рядом, а крохотные ломтики кабачков наполняли потрепанную бамбуковую корзинку. В первое мгновение ты подумала: неужели мама спит? Вспомнив, что она никогда не дремала днем, ты пристально вгляделась в ее лицо. Мама обхватила рукой голову и изо всех сил сжимала ее. Ее губы были приоткрыты, и она так сильно нахмурила брови, что на лице проступили глубокие морщины.

– Мама!

Она по-прежнему не открывала глаза.

– Мама! Мама!

Ты опустила на колени и изо всех сил принялась трясти ее, и тогда она чуть-чуть приоткрыла глаза. Ее глаза были налиты кровью, и на лбу выступили капли пота. Похоже, мама не узнавала тебя. Искривленное болью, ее лицо выражало непереносимое страдание. Только тайная, глубоко скрытая мука могла так изменить лицо. Она снова закрыла глаза.

– Мама!

Ты вскарабкалась на лежак и осторожно положила голову мамы к себе на колени. И как только ее могли оставить одну в таком состоянии? Тебя охватил бешеный гнев, словно кто-то специально бросил маму под навесом в столь ужасную минуту. Но ведь именно ты уехала из дома и оставила маму. Часто бывает так, что человек, испытавший сильное потрясение, не знает, что делать дальше. «Возможно, стоит вызвать скорую? Может быть, лучше перенести ее в дом? Где отец?» Эти мысли вихрем проносились в твоей голове, но ты продолжала в оцепенении смотреть на маму. Никогда прежде ты не видела у нее такого страдальческого выражения на лице. Рука, прижатая ко лбу, вяло упала на лежак. Мама тяжело вздохнула. Ее тело поникло, словно не в силах бороться дальше с непереносимой болью.

– Мама! – Твое сердце упало. Тебе вдруг показалось, что она умирает. Но неожиданно она открыла глаза и взглянула на тебя. Твое появление должно было бы удивить ее, но глаза ничего не выражали. Казалось, она слишком слаба, чтобы как-то реагировать на происходящее. Через несколько мгновений мама окликнула тебя по имени, но ее лицо по-прежнему ничего не выражало. Потом она еле слышно что-то пробормотала себе под нос. Ты наклонилась к ней.

– Когда умерла моя сестра, я даже не могла плакать. – Бледное лицо мамы было таким безжизненным и пустым, что у тебя не хватило сил произнести ни слова.

Тетю похоронили весной. На похороны ты не поехала. Ты даже ни разу не приехала проводить ее, хотя она почти год болела. А чем ты занималась в это время? В детстве тетя фактически была тебе второй мамой. На летние каникулы ты отправлялась пожить в ее доме за горой. Из всех детей у тебя с ней были самые дружеские взаимоотношения. Возможно, все дело в том, что ты очень напоминала ей сестру. Тетя частенько говаривала: «Вы с мамой сделаны из одного теста!» И словно пытаясь воссоздать лучшие эпизоды из их с мамой детства, тетя вместе с тобой кормила кроликов и заплетала тебе косы. Она варила в горшочке ячмень, добавляя сверху горстку риса, и оставляла этот рис для тебя. А ночью ты сворачивалась калачиком у нее на коленях и слушала истории, которые она рассказывала тебе. Ты помнила, как

тетя заботливо подкладывала тебе под голову руку, чтобы тебе удобнее было лежать. И даже теперь, когда ее не стало, ты хорошо помнила ее запах, напоминавший о детстве. Состарившись, она посвятила свою жизнь внукам, родители которых работали в пекарне. Тетя упала с лестницы, неся на спине ребенка, а когда ее спешно доставили в больницу, выяснилось, что рак почти полностью захватил ее организм и уже ничем нельзя помочь. Мама сообщила тебе эту неприятную новость.

– Моя бедная старшая сестричка!

– Почему они так поздно обнаружили болезнь?

– Она не ходила к врачам.

Навещая сестру, мама приносила ей кашу и пыталась заставить ее проглотить хоть ложечку. Ты терпеливо выслушивала по телефону мамыны рассказы об очередном посещении сестры:

– Вчера я навещала твою тетю. Я сварила кашу из кунжута, и она с аппетитом покушала.

Ты была первой, кому она позвонила, когда тетя умерла.

– Моя сестра умерла.

Ты молчала.

– Необязательно приезжать, ты и так слишком занята.

Даже если бы мама этого не сказала, ты не смогла бы приехать на похороны, потому что должна была закончить срочную работу. Хун Чол ездил на похороны и сообщил тебе, что очень беспокоился за душевное состояние мамы, но она совсем не плакала и отказалась ехать на кладбище.

– Правда? – недоуменно спросила ты. Хун Чол заметил, что ему это тоже показалось странным, но он не мог отказать ей в этой просьбе.

В тот день, под навесом, мама с лицом, искаженным болью, призналась тебе, что не могла даже плакать после смерти сестры.

– Почему? Тебе не стоило сдерживаться, – сказала ты, с облегчением замечая, что она постепенно становится той мамой, которую ты знала, хотя ее голос звучал абсолютно безучастно.

Мама тихо закрыла глаза.

– Я разучилась плакать.

Ты не нашлась что ответить.

– И потому моя голова болит так сильно, словно вот-вот взорвется.

Послеполуденное солнце грело твою спину, а ты пристально вглядывалась в мамино лицо, словно впервые видела ее. У мамы головные боли? Настолько сильные, что она даже плакать не может? Ее темные глаза, которые всегда были блестящими и большими, как глаза коровы, которая вот-вот принесет потомство, теперь были скрыты морщинистыми мешками. Ее бледные пухлые губы высохли и потрескались. Ты взяла ее руку, которую она бессильно уронила на лежак, и положила ей на живот. Ты разглядывала темные веснушки на ее ладони, отмеченные нелегким трудом, сопровождавшим ее всю жизнь. Теперь ты уже не могла с легкостью сказать, что хорошо знала маму.

Когда дядя был жив, он каждую среду навещал маму. Тогда он только вернулся в Чонгап после долгих скитаний по стране. Для его приходов никогда не было особых причин, он просто заезжал во двор на велосипеде, виделся с мамой и тут же уезжал. Иногда он даже не заходил в дом, а кричал от ворот: «Сестра! Как поживаешь?» И прежде чем мама успевала выйти во двор, он сообщал: «Я уже уезжаю!» – разворачивал велосипед и исчезал так же внезапно, как и появился. Насколько тебе было известно, мама и ее брат были не очень близки. Еще до твоего рождения дядя взял в долг у твоего отца немалую сумму денег, да так и не отдал их. Время от времени мама с горечью об этом вспоминала. Она говорила, что из-за твоего дяди всегда

чувствовала себя виноватой перед отцом и его сестрой. И хотя это был долг твоего дяди, мама так и не смогла смириться с мыслью, что он не вернул его. Прошло лет пять, а от дяди не было никаких известий, и мама частенько говаривала:

– Интересно, и как там сейчас поживает твой дядя? – В такие моменты ты не могла понять, беспокоится ли мама о нем или по-прежнему обижается на него.

Однажды мама услышала, как кто-то распахнул калитку и вошел со словами: «Сестра, ты дома?» В этот момент ты с мамой на кухне ела мандарины, и она вдруг вскочила и сломя голову выбежала из дому. Все произошло слишком быстро. Кто мог так взволновать ее? Сгорая от любопытства, ты поспешила следом. Мама замерла на крыльце, не сводя глаз с калитки, а затем крикнула: «Брат!» – обращаясь к человеку, стоявшему на улице. Неожиданно она помчалась ему навстречу, не обращая внимания на свои босые ноги. Это и был твой дядя. И мама, подбежав к нему, стала бить его в грудь кулаками и кричать: «Брат! Брат!» Ты наблюдала за ними с крыльца. Впервые ты слышала, чтобы мама кого-то называла братом. Рассказывая о брате, мама всегда говорила «твой дядя». Ты не понимала, почему тебя так удивило, что мама подбежала к дяде и восторженным тоном назвала его братом, ведь ты всегда знала, что у тебя есть дядя. Ты поняла, как это здорово, что у мамы тоже есть брат! Иногда ты посмеивалась про себя, вспоминая тот день, когда твоя уже немолодая мама спрыгивала с крыльца и неслась через двор навстречу дяде с криком: «Брат!», словно маленькая девочка. Этот новый образ мамы прочно засел в твоих мыслях. Ты не понимала, почему потребовалось столько времени, чтобы осознать нечто столь очевидное. Для тебя мама всегда оставалась мамой. Тебе никогда не приходило в голову, что когда-то она тоже делала первые шаги, а потом ей тоже исполнялось три, двенадцать, двадцать лет. Мама всегда оставалась мамой. Она мамой родилась. До тех пор пока ты не увидела, как она мчится навстречу дяде, у тебя и мысли не возникало, что она живой человек и способна на чувства, которые ты сама испытываешь к своим родным братьям. Это осознание принесло озарение, что и у мамы когда-то было детство. С этого момента ты иногда думала о маме как о ребенке, о девочке, о девушке, как о новобрачной, как о матери, которая только что подарила тебе жизнь.

Ты не могла оставить маму и вернуться в город после того, что увидела. Отец уехал в Сохо с какими-то людьми из Регионального центра поддержки корейского традиционного театра. Он собирался вернуться домой только через два дня. А мама хотя и пришла в себя после ужасного приступа головной боли, но сильно ослабела и не могла ни выдавить из себя улыбку, ни тем более заплакать. Она даже не поняла, зачем ты предлагаешь ей поехать в больницу. Когда ты вела ее в дом, она ступала осторожно, пытаясь справиться с болью. Прошло довольно много времени, прежде чем она смогла говорить. Мама рассказала, что у нее регулярно случаются головные боли, но их еще можно терпеть, в отличие от особенно сильных приступов, которые, к счастью, повторяются лишь время от времени.

Знают ли твои братья об этих головных болях? Знает ли отец?

Тебе захотелось обо всем им рассказать сразу же по возвращении в город и как можно скорее определить маму в хорошую больницу. Когда к маме вернулась способность передвигаться самостоятельно, она спросила:

– А разве тебе не надо возвращаться в город?

С некоторых пор твои визиты в отчий дом становились все короче, бывало, ты приезжала на пару часов и спешила вернуться в город. Ты подумала о встрече, назначенной на следующий день, но ответила, что собираешься переночевать здесь. Ты помнишь радостную улыбку, озарившую ее лицо.

Живого осьминога, купленного на рыбном базаре в Поханге, ты оставила на кухне, поскольку вы с мамой и понятия не имели, что с ним делать. Вы сели за стол, как в старые добрые времена, уплетая простую и вкусную пищу: рис и кимчи, тушеный тофу, анчоусы и

жареные водоросли нори. Мама обернула рис в кусочек водоросли, как делала, когда ты была ребенком, и ты с наслаждением съела это незатейливое лакомство. После ужина вы с мамой вышли прогуляться вокруг дома. Это уже был не тот дом, в котором прошло твое детство, но передняя часть и задние дворики, как и тогда, соединялись между собой. На заднем дворе, на длинной полке под навесом, по-прежнему громоздились высокие глиняные горшки. Когда ты была ребенком, мама хранила в них соевый соус и пасту из красного перца и бобов, но теперь они пустовали. Во время прогулки мама то ускоряла шаг, то немного отставала, а затем вдруг спросила, почему ты приехала.

– Я ездила в Поханг...

– Поханг далеко отсюда.

– Да.

– Это отец скорее приехал бы сюда из Поханга, чем из Сеула.

– Точно.

– Так почему же ты приехала из Поханга, ведь у тебя так мало свободного времени?

Вместо ответа, ты изо всех сил схватила и отчаянно сжала мамину руку, словно искала спасения в темноте, не понимая, как описать свои чувства. Ты рассказала маме, что рано утром ты отправилась на лекцию в Библиотеку Брайля в Поханге.

– Библиотека Брайля? – повторила мама.

– Брайль придумал специальный шрифт для слепых.

Мама кивнула. Прогуливаясь вокруг дома, ты рассказывала маме о поездке в Поханг. В течение нескольких лет тебе предлагали посетить Библиотеку Брайля, но тебе всякий раз не удавалось выкроить время в чересчур плотном рабочем графике. И вот, в начале весны, тебе снова позвонили из библиотеки. На тот момент как раз вышла в свет твоя книга. Сотрудник библиотеки сообщил, что они хотели бы напечатать твою последнюю книгу, переведенную на язык Брайля. Брайля! Ты мало что об этом знала, кроме того, что Брайль изобрел шрифт для чтения и письма слепых. Ты невозмутимо слушала сотрудника библиотеки, словно он говорил о книге, которую ты не читала. Сотрудник сообщил, что им необходимо твое разрешение на издание книги. Если бы в тот момент в разговоре по телефону не прозвучало слово «разрешение», ты не согласилась бы отправиться в Библиотеку Брайля. Эта просьба и повлияла на твое решение: слепые люди хотят прочесть твою книгу и просят тебя разрешить перевести ее на единственный язык, доступный им для чтения... И ты согласилась, внезапно ощутив свою полную беспомощность. Сотрудник библиотеки сообщил, что книгу переведут к ноябрю и день Брайля тоже приходится на ноябрь. Он сказал, что ты окажешь им большую честь, если сможешь посетить библиотеку в этот день и принять участие в презентации книги. Ты лихорадочно соображала, как найти выход из сложившейся ситуации, но понимала, что уже не сможешь отказаться. Возможно, свою роль сыграл тот факт, что презентацию назначили на ноябрь, и у тебя еще была уйма времени. Но время летит быстро, незаметно промчалась весна, за ней минуло лето, и вот пришла осень, и ноябрь был не за горами. И вот настал назначенный день.

В жизни почти не бывает неожиданностей, если все как следует продумать. Даже то, что кому-то может показаться необычным, если поразмыслить, может стать вполне предсказуемым. Неожиданные события, происходящие с вами, зачастую свидетельствуют лишь о вашей беспечности. Твои поездки в Библиотеку Брайля и все, что там в дальнейшем происходило, ты вполне могла предсказать заранее, если бы на самом деле хоть немного уделила этому внимание. Но весной, летом и осенью ты, как всегда, была по уши в работе. Даже в тот день, когда отправилась в Библиотеку Брайля, ты почти не думала о людях, которых встретишь там, тебя беспокоило лишь то, что ты не успеешь приехать к 10 часам. Ты едва не опоздала на самолет, вылетающий в Поханг в 8 утра, выйдя из аэропорта, поймала такси, доехала до Библиотеки Брайля и вошла в приемную. Директор и его помощник-доброволец уже ждали тебя. Директор вежливо приветствовал тебя, поблагодарив за то, что ты согласилась приехать, протянул тебе

руку, и ты, пытаясь скрыть волнение, пожала ее. У него оказалась очень мягкая ладонь. До начала презентации директор говорил о твоей книге. Ты улыбалась и кивала этому слепому человеку, прочитавшему твою книгу, хотя он не мог видеть твоих улыбок и кивков. В тот день они отмечали свой особенный праздник, день Брайля. Когда ты вошла в зал, там уже собралось четыреста человек, многие осторожно входили в сопровождении помощников-добровольцев. Там собрались мужчины и женщины всех возрастов, но среди них не было детей. Церемония началась, и люди один за другим поднимались на трибуну и произносили краткие речи. Наконец, ты вышла получить экземпляр книги, переведенной на язык слепых. Из одной твоей книги в результате получилось целых четыре тома. Тебе зааплодировали, когда ты вернулась на свое место с книгами в руках. Церемония продолжалась. Когда читателям, выступавшим с поздравлениями, были выданы почетные значки, ты раскрыла один из томов. И в это мгновение у тебя все поплыло перед глазами. Бесконечное число точек на белой бумаге. У тебя возникло ощущение, будто ты провалилась в черную дыру. Словно, поднимаясь по лестнице, задумалась, не заметила ступеньку и вдруг споткнулась и стремительно полетела вниз. Шрифт Брайля испещрял белую бумагу, каждая буква в виде крошечной дырочки, как от укола иглой, эти буквы выстраивались в слова, которых ты не могла понять. Позднее ты рассказала маме, что пролистнула первые три страницы и захлопнула книгу. Мама слушала очень внимательно, и ты продолжала рассказ.

В конце церемонии тебя пригласили сказать несколько слов о своей книге. Когда ты поднялась на кафедру и обвела взглядом присутствующих, тебя вдруг сковало невероятное напряжение. Ты не могла сосредоточиться, стоя перед залом, где собралось четыреста незрячих людей.

– И что же ты сделала? – спросила мама.

Ты поведала ей о том странном ощущении, будто 50 минут, отведенные на твое выступление, никогда не закончатся. Ты из тех людей, кому необходимо при разговоре смотреть в глаза собеседника. Порой ты можешь рассказать всю историю, а иногда – всего лишь ее часть, в зависимости от того ощущения, которое испытываешь, глядя в глаза собеседника. Некоторые глаза способны вытянуть из тебя то, чем ты никогда ни с кем не делилась. И вот, оказавшись перед четырьмя сотнями незрячих людей, ты растерялась, не представляя, на кого смотреть и как начать свою речь. Глаза полуприкрыты, у других прятались за стеклами темных очков; а иные глаза словно «видели» тебя насквозь со всем твоим волнением и неуверенностью. И хотя все они были нацелены на тебя, ты не могла и слова вымолвить под этими невидящими взглядами. В голове лихорадочно металась одна мысль: как говорить о книге под взглядами людей, которые тебя не видят? В этой ситуации было бы неуместно говорить на отвлеченные темы, например, рассказывать смешные случаи из твоей жизни. Если уж на то пошло, скорее им следовало рассказать тебе о своей жизни. Не в силах выйти из ступора, ты выпалила в микрофон первое, что пришло в голову:

– О чем же мне вам рассказать? – И аудитория разразилась смехом. Интересно, они смеялись, потому что считали, что ты можешь рассказать все, что захочешь? Или чтобы поддержать тебя?

Мужчина под сорок ответил тебе:

– А разве вы не о своей книге пришли рассказать? – Его невидящие глаза были направлены в твою сторону.

Сосредоточившись на них, ты принялась говорить о том, что заставило тебя написать эту книгу, о своих переживаниях и эмоциях во время ее создания и о надеждах, которые ты возлагала на нее, когда она вышла в свет. Ты была поражена. Из всех людей, которых тебе доводилось встречать раньше, эти слушатели оказались самыми внимательными. Их тела и движения демонстрировали полную сосредоточенность на тебе. Один человек кивал, другой, заслушавшись, машинально выставил ногу, а кто-то наклонился вперед, привалившись к спине

сидящего впереди человека. И хотя ты не могла понять ни слова на их языке, они прочитали твою книгу, задавали вопросы и обменивались мнениями. Ты рассказала маме, что они выказали невероятно позитивное отношение к книге, гораздо более позитивное, чем все, с кем тебе довелось встречаться. Мама, внимательно слушавшая тебя, вдруг произнесла:

– Даже они прочитали твою книгу.

На мгновение повисла неловкая пауза. Мама спросила, что было дальше, и ты продолжила свой рассказ.

Когда ты умолкла, человек из зала поднял руку и спросил, можно ли задать вопрос. Ты ответила, что готова выслушать его.

– Мама, этот слепой человек сказал, что его хобби – путешествия. – Стоя там, за кафедрой, ты потрясенно замерла. Куда мог путешествовать слепой человек? Он сказал, что когда-то ему прочитали твою книгу, в которой события происходили в Перу. Главный герой романа отправился на Мачу-Пикчу, и там есть сцена, в которой поезд катится по рельсам в обратном направлении. Мужчина сказал, что после этого он захотел сам проехать на этом поезде в Перу. Ему хотелось узнать, путешествовала ли ты в этом поезде. Эта книга написана более десяти лет назад. И вот ты, у которой настолько плохая память, что частенько, открывая холодильник, ты забываешь, зачем ты это делаешь, чувствуя на своем лице ледяное дыхание морозилки, пока, наконец, не сдаешься и не захлопываешь дверцу, начала рассказывать о Перу, где побывала, прежде чем написать ту книгу. Лима, Куско, Пуп Земли; железнодорожная станция Сан-Педро, где на рассвете ты села в поезд, идущий к Мачу-Пикчу. Ты рассказала о поезде, который начинал двигаться вперед и тут же катился назад, прежде чем, наконец, отправиться к Мачу-Пикчу. Ты призналась маме:

– Названия мест и гор, которые я, казалось, забыла, вдруг с особой ясностью возникли в моей памяти.

Чувствуя дружелюбие, невидимым образом озарявшее глаза, никогда не видевшие свет, глаза, которые, казалось, понимали и принимали каждый твой изъян, каждую ошибку, ты сказала нечто, чего никогда раньше не говорила о той книге. Мама спросила:

– И что именно?

– Я сказала, что если бы мне пришлось написать ее снова, то едва ли я смогла бы так ее написать.

– Неужели это такое важное признание? – удивилась она.

– Да, потому что я отрицала то, что уже существует, мама! – пояснила ты.

Мама пристально посмотрела на тебя в темноте и произнесла:

– И почему ты молчала? Ты должна быть свободной и говорить то, что чувствуешь. – И с этими словами она ласково погладила тебя по спине. Когда ты была ребенком, она частенько умывала твоё лицо своими большими мягкими ладонями. – Ты рассказываешь такие замечательные истории, – добавила она.

– Я?

Мама кивнула.

– Да, мне очень понравилось.

Ей понравилась твоя история? Ты была тронута. Ты знала, что все рассказанное тобой не так уж и замечательно, но все дело в том, что посещение Библиотеки Брайля полностью изменило твой взгляд на многие вещи, и потому ты говорила с ней сейчас совершенно по-другому. Переехав в город, ты стала разговаривать с мамой так, будто за что-то на нее сердилась. Обычно ты говорила с ней резко, и часто в твоих словах звучал упрек: «Что ты об этом знаешь, мама?», «Зачем ты поступаешь так?», «К чему тебе это знать?». Ты уяснила, что мама больше не может бранить тебя, и, если она спрашивала: «Зачем ты туда едешь?», ты огрызалась в ответ: «Потому что так надо». Даже когда тебе приходилось лететь на самолете, потому что твою книгу опубликовали в другой стране или тебе надо было отправиться за границу для

участия в семинаре, на ее вопрос: «Зачем ты едешь туда?» – ты сдержанно отвечала: «Потому что у меня важные дела». Мама просила тебя перестать летать самолетами. Она говорила:

– Если произойдет катастрофа, двести людей погибнут в одно мгновение.

– Но мне это необходимо для работы, – возражала ты.

Если мама спрашивала:

– Зачем так много работать?

Ты мрачно отвечала:

– Я знаю зачем.

Тебе было нелегко говорить с ней о своей жизни, так не похожей на ту жизнь, которой жила она. Но когда ты рассказывала о растерянности, охватившей тебя при виде своей книги, переведенной на язык слепых, и о панике, обрушившейся на тебя в зале, полном незрячих людей, мама слушала так внимательно, будто головная боль полностью отпустила ее. Когда в последний раз ты рассказывала маме о важных событиях, произошедших в твоей жизни, задумалась ты. В какой-то момент ваши разговоры сильно упростились. В основном ваше общение свелось к телефонным разговорам. Ты интересовалась тем, что она ела, здорова ли она, как дела у отца, советовала ей теплее одеваться, чтобы не схватить простуду, сообщала, что приплешь деньги. А мама жаловалась, что видит странные сны, рассказывала, что приготовила кимчхи и отправила немного тебе вместе с рисом и ферментированной бобовой пастой, что специально для тебя приготовила полынную настойку, и просила тебя не отключать телефон, потому что курьер позвонит тебе, прежде чем привезет посылки.

Положив в пакет экземпляры своей книги, переведенной на язык слепых, ты простилась с людьми из Библиотеки Брайля. До самолета у тебя оставалось в запасе еще два часа. Ты вспомнила, как стояла за кафедрой, таращилась в окно, отводя взгляд от незрячих глаз, и разглядывала гавань, испещренную крошечными суденышками. И ты подумала, что если здесь есть море, значит, должен быть и рыбный базар. Ты поймала такси и поехала туда. Тебе нравилось посещать базары в незнакомых местах, и ты никогда не отказывала себе в этом удовольствии, едва выдавалась свободная минутка. Даже в будний день на базаре жизнь была ключом. При входе на базар ты заметила двоих мужчин, которые разделяли огромную рыбину. Ты поинтересовалась, не тунец ли это, но торговец сообщил, что это океанская солнечная рыба. Это напомнило тебе о героине одной книги, название которой ты не могла сразу вспомнить. Девушка родом из небольшого приморского городка, перебравшись в большой город, ездила взглянуть на огромный аквариум всякий раз, когда в ее жизни возникали проблемы, и разговаривала с океанской солнечной рыбой, живущей в этом аквариуме. Она жаловалась, что ее мать забрала все ее сбережения и сбежала с молодым мужчиной в другой город, но под конец признавалась, что скучает по маме и что солнечная рыба – единственное живое существо, которому она может рассказать об этом. Ты вдруг подумала, а вдруг это та самая рыба. Решив, что для рыбы подобное имя звучит несколько странновато, ты переспросила:

– Ее на самом деле называют океанской солнечной рыбой?

И торговец ответил:

– Мы еще зовем ее *Мола мола*!

Как только ты услышала эти слова, напряжение, сковывавшее тебя в библиотеке, вдруг бесследно исчезло, словно рассеялось в воздухе. Почему ты вдруг подумала о маме, бродя среди разнообразия морепродуктов, которые здесь стоили намного дешевле, чем в Сеуле: живых осьминогов, с головами больше человеческой, свежих морских ушек, лепидопов², макрели и крабов? Неужели именно океанская солнечная рыба навеяла тебе мысль о маме на этом

² Лепидоп – рыба-сабля, обитает в субтропических водах Тихого океана. Мясо рыбы отличается приятным вкусом и ароматом.

рыбном базаре? Заставила тебя вспомнить, как вы вместе с мамой чистили у колодца ската? Ты ясно видела мамины замерзшие руки, счищающие коричневатый налет, приставший к чешуе. Ты остановилась около лавочки, с потолка которой свисал огромный вареный осьминог размером с туловище ребенка, и купила живого осьминога за 15 тысяч вон. Заодно ты приобрела несколько морских ушек, которые были выращены на ферме. Когда ты обмолвилась, что едешь в Сеул, торговец предложил поместить покупки в переносной холодильник за дополнительную пару тысяч вон. Выйдя с рыбного базара, ты поняла, что до самолета остается еще уйма времени. Держа в одной руке пакет с книгами, а в другой – сумку-холодильник, ты втиснулась в такси и попросила водителя отвезти тебя на пляж, до которого оказалось не более пяти минут езды. Ноябрьский пляж был пустынен, если не считать двух уединившихся влюбленных парочек. Он показался тебе огромным. Идя к воде, ты пару раз поскользнулась и едва не упала. Усевшись на песок, ты некоторое время вглядывалась в морской простор. Оторвавшись от завораживающей картины, ты медленно обернулась и окинула взглядом жилые дома и магазины, которые отделяла от пляжа лишь полоска шоссе. Тебе пришло в голову, что жители этих домов жаркими летними ночами могут наслаждаться купанием в океане и, возвращаясь в свои квартиры, принимать прохладный душ. Машинально достав из пакета один из томов своей книги, ты наугад раскрыла ее. Белые точки на страницах засверкали в лучах яркого солнца.

Водя пальцем по недоступному твоему пониманию шрифту Брайля, искрящемуся на солнце, ты вспоминала, кто научил тебя читать. Это был твой второй брат. Обычно вы устраивались на кушетке в старом доме. А мама сидела рядом. Тихий и добрый мальчик, он причинял родителям меньше всего беспокойства. Он не мог послушаться маму, велевшую ему учить тебя грамоте и арифметике, и со скучающим видом бесчисленное множество раз заставлял тебя писать буквы и цифры. Ты пыталась писать левой рукой, и каждый раз брат ударял тебя по ладони бамбуковой линейкой, заставляя переложить карандаш в правую руку. Он послушно выполнял мамины строгие указания. И хотя ты от рождения была левшой, мама убеждала тебя, что в жизни не избежать проблем, если ты не избавишься от этой привычки. Когда ты левой рукой пересыпала рис, мама отнимала у тебя совок и перекладывала его в правую руку, а если ты продолжала настаивать на своем, она выхватывала совок и шлепала тебя по руке, приговаривая: «Почему ты не слушаешься?» Твоя левая рука опухала и болела. Но, несмотря на это, когда брат отвлекался и забывал следить за тобой, ты молниеносно перекладывала карандаш в левую руку и один за другим рисовала два круга, которые должны были изображать цифру 8. А затем карандаш так же стремительно перемещался в правую руку. Брат, едва увидев эту «восьмерку», раскрывал обман и заставлял тебя раскрыть ладони, чтобы шлепнуть по ним линейкой. Брат учил тебя читать, а мама наблюдала за вами, примостившись рядом, штопая носки или очищая чеснок. Когда ты научилась писать твое и мамино имена и, запинаясь, понемногу начала читать книги, мамино лицо расцвело, подобно цветку мяты. Лицо, похожее на таинственный шрифт Брайля, недоступный твоему пониманию.

Глубоко погружившись в воспоминания, ты неохотно поднялась и направилась к шоссе, забыв стряхнуть с одежды налипший морской песок. Совершенно неожиданно для самой себя ты решила не лететь в Сеул, а вместо этого добраться на такси до Тайхона, а оттуда сесть на поезд в Чонгап. Ты была не в силах справиться с навязчивой мыслью, что уже почти полгода не видела мамино лица.

Ты вспоминаешь свою классную комнату из далекого прошлого.

Это был тот день, когда человек шестьдесят учеников писали заявления о поступлении в среднюю школу. Если бы ты не успела в тот день подать заявление, тебя не приняли бы. Ты оказалась одной из тех, кто не подготовил заявление. В тот момент ты не совсем понимала, чем грозит твое непоступление в среднюю школу. Вместо этого тебя мучило чувство вины.

Накануне вечером мама кричала на отца, который лежал больной в постели:

– Мы бедняки, и как же эта девочка сможет выжить в нашем жестоком мире, если мы не отправим ее в школу? – Отец поднялся с кровати и вышел из дому, а мама схватила табуретку и в отчаянии швырнула ее во двор. – Для чего нужно хозяйство, если ты не можешь отправить детей в школу?

Тебе очень хотелось, чтобы она успокоилась, ведь ты ничего не имела против того, чтобы не ходить в школу. Но, выбросив табуретку, мама не успокоилась. Она распахнула дверцу подвала и изо всех сил хлопнула ею, а затем сорвала с веревки белье, скомкала и швырнула на землю. Затем она направилась к колодцу, за которым испуганно съежилась ты, сорвала с головы платок и сунула тебе под нос.

– Высморкайся, – приказала она.

Ты ощутила сильный запах пота, исходящий от маминого платка. Ты не хотела сморкаться, особенно в этот противный платок. Но мама продолжала требовать, чтобы ты как следует в него высморкалась. Когда ты заколебалась, она сказала, что так тебе удастся избежать слез. Ты молча стояла, глядя на маму глазами, полными слез. Требуя, чтобы ты высморкалась, она будто хотела сказать тебе: «Не плачь». Не в силах противостоять ей, ты высморкалась в платок, и запах пота растворился.

На следующий день мама пришла в школу, обмотав голову этим самым платком. Она поговорила с учительницей, и та подошла к тебе и протянула бланк заявления о приеме в школу. Заполнив его, ты выглянула из класса и заметила маму, которая дожидалась тебя в коридоре. Ваши взгляды встретились, она сняла с головы платок и с радостной улыбкой помахала тебе.

К тому времени, когда пришло время заплатить за обучение, золотое кольцо, которое мама носила на среднем пальце, ее единственное украшение, бесследно исчезло. От ее любимого кольца осталась лишь светлая полоска, отпечатавшаяся на пальце за долгие годы.

Головные боли постоянно мучили маму.

В тот свой приезд в отчий дом ты проснулась посреди ночи от жажды и в темноте увидела неясно вырисовывающиеся очертания своих книг. Собираясь на год уехать с Ю Бином в Японию, где он надумал провести свой академический отпуск, большую часть книг, тех, что сопровождали тебя долгие годы, ты отправила в родительский дом. Получив книги, мама сразу же освободила под них целую комнату. А у тебя так и не появилось возможности забрать их обратно. Навещая родителей, ты переодевалась в этой комнате или оставляла в ней свои чемоданы, а если оставалась ночевать, здесь мама обычно стелила тебе постель.

Выпив воды, ты вернулась к себе в комнату, и тут тебе захотелось взглянуть на спящую маму. Ты осторожно приоткрыла дверь в ее комнату. В первый момент тебе показалось, что в комнате никого нет.

– Мама! – позвала ты.

В ответ – тишина. Ты нащупала на стене выключатель и зажгла свет. Мамы в комнате не оказалось. Ты зажгла свет в гостиной и распахнула дверь в ванную, но ее и там не оказалось.

– Мама! Мама! – закричала ты, распахивая входную дверь и выбегая во двор.

Прохладный утренний ветерок тут же зарылся в твою одежду. Ты зажгла свет во дворе и бросила взгляд на деревянный лежак под навесом. Мама лежала там. Ты ринулась вниз по ступенькам и в одно мгновение оказалась рядом с ней. Она хмурилась, как и в тот раз, но на этот раз она спала, ее ладонь покоилась на лбу. Мама поджала под себя босые ноги, озябнув от утренней прохлады. Очарование милого домашнего ужина и сблизившего вас доверительного разговора во время прогулки вокруг дома в одно мгновение разлетелось вдребезги. Стояло раннее ноябрьское утро. Ты вынесла одеяло и укрыла маму. Потом достала носки и натянула на ее озябшие ступни. А затем устроилась рядом и сидела так до тех пор, пока она не проснулась.

* * *

Пытаясь помимо работы на ферме найти иные способы заработать денег, мама поставила под навесом деревянную кадку для приготовления солода. Она собирала пшеничные колосья, перемалывала их, затем разбавляла водой и выливала все это в кадку, где закваска начинала бродить. Когда солод созревал, его резкий запах, бывало, пропитывал весь дом. Этот запах никому не нравился, но мама уверяла, что это запах денег. В поселке был дом, хозяева которого готовили тофу, и, когда мама приносила туда перебродивший солод, они продавали его на пивоваренный завод и отдавали деньги маме. Мама прятала деньги в большую белую миску, сверху нагромождала на своеобразную копилку шесть-семь таких же мисок и устанавливала эту пирамиду на шкаф со стеклянными дверцами. Миска стала для мамы чем-то вроде банка, в котором она хранила все свои деньги. Когда ты привозила домой счет за обучение, она доставала деньги из миски, тщательно пересчитывала и отдавала тебе.

Проснувшись чуть позже тем ноябрьским утром, ты обнаружила, что лежишь под навесом на лежаке. Куда же опять подевалась мама? Рядом ее не оказалось, но с кухни доносился шум. Ты поднялась и вошла в дом. Мама как раз собиралась шинковать большую белую редьку. Тебе показалось, что она держит нож как-то неуверенно. Раньше она резала редьку медленными, отточенными движениями, даже не глядя на разделочную доску. А сейчас мамина рука с зажатым в ней ножом казалась нетвердой, и нож то и дело соскальзывал с редьки на разделочную доску. Так она в любой момент могла порезаться.

– Мама! Подожди! – Ты подскочила и выхватила у нее нож. – Я сама все сделаю. – Ты решительно подвинула к себе разделочную доску.

Мама помедлила, но затем послушно отошла в сторону. В стальной сетке на дне раковины вяло раскинулся мертвый осьминог. Мама собиралась сложить тонкие пластинки редьки на дно пароварки и приготовить осьминога на пару. Ты едва не спросила, почему бы просто не сварить осьминога в подсоленной воде, но промолчала. Мама разложила ломтики редьки на дне пароварки и установила сетку из нержавеющей стали. Она запихнула внутрь целого осьминога и накрыла пароварку крышкой. Так она обычно готовила морепродукты.

Мама так и не привыкла к рыбе. Она не отличала макрель от щуки или лепидопа, для нее все это была просто рыба. Но зато она прекрасно разбиралась в разнообразных видах бобовых: фасоль обыкновенная, соевые бобы, белая фасоль, гиацинтовые бобы. Когда на кухне появлялась рыба, мама никогда не готовила сашими, не тушила и не жарила ее, лишь солила и варила на пару. И даже для макрели и лепидопа она готовила острый соус из красного перца и чеснока, затем разбавляла его соевым соусом и варила рыбу в пароварке вместе с рисом. Мама терпеть не могла сашими. Увидев людей, уплетающих сырую рыбу, она не могла скрыть брезгливости и всем своим видом будто вопрошала: «Что же вы делаете?» Мама, которая с семнадцати лет готовила на пару ската, хотела таким же образом расправиться и с осьминогом. Вскоре кухня наполнилась запахом редьки и мяса осьминога. Наблюдая, как мама готовит это морское чудовище, ты вновь вспомнила о скате.

Мама была родом из тех мест, где ската всегда подают на стол во время важных семейных церемоний. Мамин год строился вокруг церемоний, которым она строго следовала, один раз весной и по два раза – летом и зимой. Мама чистила у колодца семь скатов в год, поскольку ваша семья отмечала еще Новый год и Праздник урожая. Обычно мама выбирала крупного ската, размером с крышку большого котла. Когда мама отправлялась на базар, покупала красного ската и бросала его рядом с колодцем, это означало, что приближается день традиционной семейной церемонии. Особенно нелегко было очищать ската от чешуи, готовя его к новогодним церемониям, в морозы вода в колодце замерзала. Твои детские руки были еще очень нежными, а мамины огрубели от работы. Покрасневшими от холода руками мама надрезала кожу ската, и твои ловкие маленькие пальчики удаляли чешуйки, покрывавшие тело рыбыны. Вам с мамой было бы намного легче, если бы кожа ската снималась как чулок, но чешуя рас-

слаивалась, и тебе приходилось попотеть. Мама надрезала рыбину с другой стороны, и процесс продолжался.

Сцена из зимней жизни: вместе с мамой вы сидите на корточках около колодца, затянутого тонким ледком, и очищаете ската от чешуи. Этот процесс повторялся из года в год, словно кто-то перематывал назад пленку вашей жизни. И вот однажды зимой мама взглянула на твои замерзшие руки и заявила: «Кому будет хуже, если мы не почистим ее» – и вместо того, чтобы и дальше очищать рыбу от чешуи, уверенно порезала ее на куски. Тогда впервые на праздничном столе появился скат в чешуе. Отец удивился:

– Что такое с этим скатом?

– Это тот же скат, но в чешуе, – спокойно отозвалась мама.

Сестра отца недовольно проворчала:

– Ради семейной церемонии стоило и постараться.

– Тогда попробуй сама почистить эту рыбину, – огрызнулась мама.

И стоило в тот год случиться чему-то непредвиденному, кто-нибудь обязательно вспоминал злосчастного ската в чешуе: не уродилась хурма, одному из твоих братьев во время игры в городки ткнули палкой в глаз, отца положили в больницу, кузины подрались – сестра отца ворчала, что всему виной стало мамино нежелание как следует приготовить ската к семейной церемонии.

Мама положила осьминога на разделочную доску и попыталась порезать его. Но повторилась та же история, что и с редькой, – нож выскальзывал из ее непослушных пальцев.

– Я все сделаю сама, мама.

Ты снова взяла у нее нож, порезала пропитавшегося ароматом редьки осьминога на кусочки, обмакнула ломтик в соус из красного перца и уксуса и протянула маме. Именно так она всегда угощала тебя. Каждый раз, когда ты пыталась самостоятельно подцепить аппетитный ломтик палочками, мама говорила:

– Если есть палочками, будет не так вкусно. Открой-ка рот.

И вот теперь мама попыталась взять кусочек палочками, и ты сказала ей те же слова:

– Будет не так вкусно. Открой-ка рот.

Ты осторожно положила кусочек осьминога ей в рот, а затем тоже откусила немного. Осьминог оказался мягким и теплым. Ты усмехнулась: вот это да – осьминог на завтрак. Но вы с мамой ели его руками, стоя посреди кухни. Жуя осьминога, ты наблюдала, как мама попыталась сама взять кусочек и уронила его. Ты взяла еще один ломтик и положила ей в рот. Вскоре она бросила попытки есть сама и ждала, когда ты угостишь ее новым кусочком. Руки словно отказывались ей служить. Доедая осьминога, ты назвала ее матушкой. Это было впервые за долгое время.

– Матушка, давай поедем сегодня в Сеул.

Мама откликнулась:

– Давай лучше сходим в горы.

– В горы?

– Именно.

– И отсюда туда можно дойти?

– Я проложила туда тропинку.

– Давай поедем в Сеул и сходим с тобой в больницу.

– Позже.

– Когда?

– Когда закончатся вступительные экзамены у твоей племянницы. – Мама имела в виду дочь Хун Чола.

– Я могу вместо Хун Чола съездить с тобой в больницу.

– Со мной все хорошо. И все будет хорошо. Я лечусь у китайского врача. И еще прохожу курс физиотерапии, врачи сказали, что у меня не все в порядке с шеей.

Ты не могла переубедить маму, она продолжала настаивать, что поедет в город чуть позже. Затем она вдруг спросила, какая страна в мире самая маленькая.

Самая маленькая страна? Ты уставилась на маму, словно на незнакомую женщину, которая будто наобум задала вопрос: «Какая страна самая маленькая в мире?» Мама попросила тебя привезти ей в подарок розовые четки, если ты когда-нибудь окажешься в этой стране.

– Розовые четки?

– Четки из розового дерева. – Она безмятежно посмотрела на тебя.

– А тебе нужны четки?

– Нет, я просто хочу четки из той страны. – Мама замолчала и глубоко вздохнула. – Если ты когда-нибудь поедешь туда, привези мне их.

Ты молчала.

– Потому что ты можешь отправиться, куда пожелаешь.

На этом ваш с мамой разговор прекратился. В кухне она не произнесла ни слова. Позавтракав осьминогом, вы с мамой вышли из дому. Вы пересекли несколько рисовых полей и ступили на тропу, идущую через холмы. И хотя люди, судя по всему, не пользовались этой тропинкой, она была чистой и хорошо утрамбованной. Опавшие дубовые листья образовали на земле плотный ковер, мягко пружинящий под ногами. Время от времени ветви деревьев, распростертые повсюду на пути, ударяли тебя по лицу. Мама шла впереди и осторожно придерживала вездесущие ветки, чтобы случайно не задеть тебя. Она отпускала их, когда ты благополучно проходила мимо. Рядом прошелестела крыльями птица.

– Ты часто приходишь сюда?

– Да.

С кем?

– Ни с кем. Некому со мной гулять.

Мама гуляла по этой тропе совсем одна? Да, ты на самом деле совсем ее не знала. Это была слишком глухая местность для прогулок в полном одиночестве. Кое-где бамбук рос так густо, что своими ветвями закрывал небо.

– Почему ты ходишь сюда совсем одна?

– Я как-то пришла сюда после смерти твоей тети и с тех пор постоянно возвращаюсь.

Пройдя еще немного, мама остановилась на вершине холма. Ты подошла к ней и, проследив за ее взглядом, воскликнула:

– О, так это та самая тропа!

Это был самый короткий путь к дому твоей бабушки, маминой мамы, и в детстве ты частенько пользовалась этой тропинкой. И даже после того, как проложили удобную дорогу, которая проходила через поселок, местные жители частенько пользовались старой горной тропинкой. Однажды, когда бабушка готовилась к семейной церемонии, ты отправилась к ней по этой тропинке, таща за собой на веревке живого цыпленка. Ты случайно выронила веревку и упустила цыпленка. Ты обыскала все вокруг, но так и не смогла найти его. И куда подевался этот цыпленок? Неужели тропинка так сильно изменилась? Когда-то ты могла пройти по ней с закрытыми глазами, а сейчас, если бы не этот холм, ты ни за что не догадалась бы, что это та самая тропинка из детства. Мама молча смотрела туда, где когда-то стоял дом ее матери. Здесь уже давно никто не жил. Люди этой деревни, в которой когда-то насчитывалось пятьдесят дворов, давным-давно уехали отсюда. Несколько домов сохранилось до сих пор, но сюда больше никто не приезжал. Так, значит, мама приходит сюда одна и смотрит на пустую деревню, в которой родилась? Ты обняла ее за талию и снова предложила поехать с тобой в Сеул. Мама не ответила и неожиданно заговорила о собаке. Вернувшись домой, ты удивилась, что собаки нет в будке, но все забывала спросить, куда подевался пес.

Год назад, когда ты летом в очередной раз приехала к родителям, во дворе тебя встретил Чиндо, привязанный около навеса. Пес изнывал от жары, а цепь была настолько короткой, что задыхающаяся собака, не в силах укрыться в тени, казалось, вот-вот умрет от солнечного удара. Ты потребовала, чтобы мама отвязала собаку. Мама возразила, что тогда люди будут бояться ходить мимо вашего дома. И как она могла так привязывать собаку, особенно в сельской местности, возмущалась ты. Из-за этого пса ты начала спорить с мамой, едва лишь вошла во двор, не удосужившись даже поздороваться.

– Зачем ты посадила его на цепь? Пускай гуляет по двору.

Но мама настаивала на своем:

– Даже в деревнях люди не позволяют собакам разгуливать, где им вздумается. Собак сажают на цепь, а если этого не сделать – пес потеряется.

Ты огрызнулась в ответ:

– Тогда надо найти цепь подлиннее. Как, по-твоему, он будет спасаться от жары, сидя на такой короткой цепи? Неужели ты так обращаешься с ним, потому что он не может ничего сказать в свою защиту?

Мама объяснила, что в доме не нашлось другой цепи, а эта осталась от прежней собаки.

– Тогда надо купить новую!

И хотя ты приехала домой впервые за долгое время, ты даже не ступила на порог дома, а сразу же поехала в ближайший городок и вернулась обратно с длинной цепью. Теперь собака могла бродить по всему двору. Именно тогда ты обратила внимание, насколько мала для собаки старая будка. Ты снова выскочила из дому, объяснив, что хочешь купить новую будку. Но мама настояла, чтобы ты осталась. Она рассказала, что в поселке есть плотник и она может попросить его построить новую будку. Твоя мама не представляла, как можно потратить деньги на домик для животного.

– Вокруг полно деревяшек, которые надо всего лишь скрепить гвоздями, чтобы получился прочный ящик, а ты собираешься выбросить деньги на этот ящик? У тебя, наверное, денег – куры не клюют.

Позже, собираясь обратно в город, ты дала ей две десятитысячные купюры и заставила пообещать, что у собаки непременно будет новая просторная будка. И мама пообещала. Вернувшись в Сеул, ты несколько раз звонила домой, чтобы убедиться, что мама не забыла о своем обещании. И хотя она могла солгать, каждый раз ты слышала одно и то же:

– Я не забыла, скоро у собаки будет новая будка. – Услышав эти слова в четвертый раз, ты потеряла терпение.

– Я ведь дала тебе деньги на собачью будку. Деревенские жители – ужасный народ. Неужели тебе не жаль собаку? И как можно жить в такой крошечной конуре, особенно в жару? Будка внутри перемазана фекалиями, и собаке приходится лежать в грязи, а ты не обращаешь на это никакого внимания. Тебе абсолютно все равно. И как такая большая собака может жить в таком крошечном пространстве? Не хочешь покупать новую будку, спусти его с цепи! Разве тебе не жаль его?

На другом конце провода воцарилась тишина. Ты уже начала жалеть, что плохо отзывалась о деревенских жителях.

И в этот момент тишину прорезал громкий, разгневанный голос мамы:

– Ты беспокоишься только о собаке, а на мать тебе наплевать! Неужели ты думаешь, что твоя мать станет жестоко обращаться с собакой? И не смей указывать, что мне делать! Я сама решу, что лучше для моего пса! – И мама повесила трубку.

Обычно это ты вешала трубку первой. Ты говорила: «Мама, я перезвоню» – и не перезванивала. У тебя не было времени сидеть и слушать то, что хотела рассказать мама. Но в этот раз мама первой повесила трубку. Впервые с тех пор, как ты переехала в город, мама по-насто-

ящему рассердилась на тебя. Когда ты уехала, мама постоянно повторяла: «Прости меня». Она призналась, что отправила тебя к Хун Чолу, потому что не могла как следует позаботиться о тебе. Когда ты звонила, мама изо всех сил старалась продлить разговор. Но хотя в этот раз она первой повесила трубку, тебя гораздо больше огорчило ее отношение к собаке. Ты ничего не понимала. И как мама превратилась в такого человека? Она всегда хорошо заботилась обо всех животных в доме. Приезжая погостить в Сеул, она уже через три дня собиралась домой, чтобы покормить голодную собаку. И почему теперь она вела себя так странно? Тебя раздражало, что мама в один момент сделалась ужасно бессердечной.

Через несколько дней мама позвонила сама:

– Раньше ты такой не была, ты стала холодной и черствой. Если мать вешает трубку, ты должна перезвонить ей сама. Как можно быть такой упрямой.

Но дело было вовсе не в твоём упрямстве, просто у тебя не хватало времени, чтобы задумываться об этом слишком долго. Ты помнила, что мама разозлилась и бросила трубку, и хотела перезвонить ей, но многочисленные дела, как всегда некстати навалившиеся, помешали это сделать.

– Неужели все образованные люди такие? – огрызнулась мама и повесила трубку.

Незадолго до Праздника урожая ты отправилась навестить родителей и обнаружила рядом с навесом просторную будку для собаки. На полу будки лежала чистая и мягкая подстилка из сена.

И вот, стоя рядом с тобой на вершине холма, мама начала свой рассказ:

– В октябре, когда я промывала рис, чтобы приготовить завтрак, кто-то вдруг похлопал меня по спине. Я обернулась, но никого не увидела. Так продолжалось целых три дня: я чувствовала, что кто-то хлопает меня по спине, будто зовет, но, когда я оборачивалась, никого не оказывалось рядом. Где-то на четвертый день я проснулась и отправилась в ванную, а собака лежала рядом с туалетом. В прошлом году ты разозлилась на меня, сказав, что я жестоко обхожусь с собакой, но когда-то эта собака бродила по железнодорожным путям и кожа ее была покрыта струпьями. Мне стало ее жаль, и я забрала пса домой, посадила на цепь и стала кормить. Если его не привязывать, он может опять сбежать и потеряться или кто-нибудь поймает и съест его... Когда я подошла к нему в тот день, он не пошевелился. Сначала мне показалось, что он просто спит. Но он не отреагировал, даже когда я толкнула его. Он был мертв. За день до этого пес хорошо ел и радостно гонялся за своим хвостом, но вот теперь он был мертв и выглядел таким умиротворенным. Я не знаю, как ему удалось снять с себя цепь. Сначала, когда я взяла его в дом, он был ужасно худой, кожа да кости, но вскоре поправился, и его шерсть стала гладкой и блестящей. И он был очень умный. Ловил кротов. – Мама вздохнула. – Говорят, что, если приютить человека, он обязательно предаст тебя, а если собаку – она отплатит добром за добро. Думаю, наш пес занял мое место.

На этот раз пришел твой черед вздохнуть.

– Прошлой весной я подала милостыню странствующему монаху, и он предупредил меня, что в этом году один из членов моей семьи умрет. Услышав это, я очень расстроилась. Целый год его предсказание не шло у меня из головы. Думаю, смерть приходила за мной, но, поскольку я все время промывала рис, чтобы приготовить себе еду, она решила забрать вместо меня собаку.

– Мама, ну что ты такое говоришь? Как ты можешь верить в такую ерунду, ты ведь ходишь в церковь? – Ты вспомнила о пустой будке рядом с навесом и о цепи, забытой рядом на земле, и обняла маму за талию.

Я выкопала во дворе глубокую могилу и похоронила Чиндо.

Мама постоянно придумывала невообразимые истории. В вечер проведения семейной церемонии сестра отца и другие тети приходили с мисками, полными риса. В те непростые времена все ощущали на себе нехватку продуктов, и потому родственники вносили свой вклад в проведение семейных церемоний. После церемонии мама наполняла миски оставшейся едой и раздавала родственникам. Во время церемонии миски стояли рядом, а потом мама заявляла, что птицы забрались внутрь, склевали рис, а затем улетели. Если ты не верила, она продолжала убеждать тебя:

– Я видела их! Там было шесть птиц. Это наши предки приходили поесть!

Все вокруг смеялись, но тебе вдруг начинало казаться, что ты видишь их следы на белом рисе. А как-то рано утром мама отправилась в поле, взяв с собой перекусить, но, придя на место, увидела незнакомца, который уже полон сорняки. Мама спросила, кто он такой, и человек ответил, что проходил мимо и остановился, чтобы прополоть участок, потому что здесь слишком много сорной травы. Мама принялась полоть вместе с незнакомцем. Она была очень благодарна своему незваному помощнику и поделилась с ним обедом. Они болтали о том о сем, к наступлению темноты полностью прополотли поле и только тогда расстались. Вернувшись с поля, мама поведала сестре отца, что полотла поле вместе с незнакомцем, но сестра отца вдруг вся сжалась и испуганно спросила, как выглядел этот человек.

– Когда-то этот человек владел нашим полем. Он умер от солнечного удара прямо во время прополки, – рассказала сестра отца.

Ты спросила:

– Мама, неужели ты не побоялась остаться одна в поле с мертвецом?

Но мама беспечно ответила:

– Нисколько. Если бы мне пришлось полоть поле в одиночку, на это ушло бы не меньше трех дней. Поэтому я ему очень благодарна.

В свой последний приезд ты стала замечать, как головные боли постепенно разрушают маму. Она потеряла свою обычную общительность, дружелюбие и оживленность и все чаще ложилась отдохнуть. Теперь мама даже не могла сосредоточиться, играя в карты на мелкие деньги, что раньше было одним из ее любимых развлечений. И ее чувства притупились. Однажды она поставила на огонь таз с тряпками, чтобы прокипятить их, и вдруг рухнула на пол, а встать не смогла. После того как вся вода в тазу выкипела, тряпки стали гореть, и всю кухню заволочло дымом, но мама по-прежнему сидела на полу, не в силах подняться. Непременно случился бы пожар, не зайдя в дом соседка, которая заметила, что из окна кухни валит густой дым.

Твоя сестра, у которой было трое детей, как-то спросила тебя о маме и ее постоянных головных болях:

– Как ты думаешь, маме нравится возиться на кухне? – Ее голос прозвучал тихо и серьезно.

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне почему-то кажется, что ей там неудобно.

Твоя сестра была фармацевтом и во время своей первой беременности открыла собственную аптеку. Невестка помогала ей ухаживать за младенцем, но, к сожалению, жила далеко от аптеки. И потому сестра на некоторое время оставляла ребенка у невестки. Твоя сестра, которая обожала детей, занималась своей аптекой, несмотря на то что виделась с ребенком лишь раз в неделю. Больно было смотреть, как она расставалась со своей крошкой. Не было на свете прощания печальнее этого. Но, похоже, твоей сестре оказалось гораздо труднее приспособиться к этой ситуации, чем ребенку. Малыш быстро привык жить вдали от матери, а она после выходных везла его обратно к невестке, обливаясь слезами. Слезы капали на руль,

в который она изо всех сил вцеплялась по пути домой, и на следующий день она стояла за прилавком аптеки с покрасневшими от рыданий глазами. Все это выглядело настолько ужасно, что ты частенько спрашивала ее:

– Неужели эта аптека стоит таких жертв?

Когда муж сестры собрался ехать в Штаты на двухгодичную стажировку, она закрыла аптеку, в которой продолжала работать даже после рождения второго ребенка. Сестра сказала, что жизнь в Америке пойдет только на пользу ее детям. Выйдя замуж, сестра махнула на себя рукой. В Штатах она родила третьего ребенка, а затем они вернулись. Теперь ей приходилось готовить на пятерых. Сестра рассказала, что как-то раз они за месяц съели двести горбылей.

– Двести штук за месяц? Неужели вы только горбылями и питались? – удивилась ты, и она ответила, что так и было.

Это произошло сразу после их возвращения из Штатов. Вещи еще не прибыли, сестра не успела привыкнуть к новому дому, да к тому же кормила грудью ребенка, поэтому у нее не было времени и сил ходить на базар. Свекровь прислала ей ящик вяленых на солнце соленых мальков горбылей, которых они всем семейством съели за десять дней. Рассказывая эту историю, сестра смеялась:

– Я варила суп из ростков фасоли и жарила пару рыбин, а затем варила суп из цуккини и снова жарила рыбу.

Сестра хотела узнать у свекрови, где можно купить такую рыбу, но случайно выяснила, что можно заказывать горбылей на дом по Интернету. Поскольку первый ящик они съели за один присест, она решила заказать уже два ящика.

– Когда прибыли ящики с горбылями, я вымыла их и пересчитала, всего их оказалось двести штук. Вымытые рыбины я разложила по пять штук в пакет и убрала в морозилку, чтобы потом без проблем готовить. Но вдруг мне ужасно захотелось взять всю эту рыбу и швырнуть на пол, – спокойно сказала сестра. – И я вспомнила о маме. Я подумала, как она чувствовала себя все эти годы в нашей старой кухоньке, готовя на огромную семью? Помнишь, сколько мы ели? У нас было два стола, заваленные едой. Помнишь нашу огромную кастрюлю для риса? А еще ей приходилось упаковывать для нас завтраки и готовить закуски из всего, что можно было вырастить в деревне... И откуда только у мамы силы брались? Поскольку отец был старшим в семье, в нашем доме всегда гостило несколько родственников. Не думаю, что маме нравилось все время торчать на кухне.

Сестра застигла тебя врасплох. Ты никогда раньше не представляла маму отдельно от кухни. Они были неразрывно связаны между собой, кухня и мама, как одно целое. И ты никогда не задумывалась, а вдруг маме действительно не так уж и нравилось все время торчать на этой кухне.

Чтобы заработать денег, мама разводила тутовых шелкопрядов, подготавливала солод для варки пива и помогала готовить тофу. Лучший способ накопить деньги – не тратить их. Мама приберегала каждую копейку. И еще она могла всучить старую замызганную лампу, потертый камень для глажки белья или старый кувшин каким-нибудь приезжим. Им хотелось заполучить эти старинные вещи, и, хотя они не имели для нее никакой ценности, мама спорила о цене не хуже заправской торговки. Поначалу казалось, что она вот-вот уступит, но затем снова продолжала гнуть свою линию. Спокойно выслушав покупателей, она говорила:

– Я согласна продать только за эту сумму.

– И кто купит эдакую дребедень за такие деньжищи? – с насмешкой отзывались незадачливые любители древностей.

– Тогда зачем вам эти вещи, если вы считаете их барахлом? – огрызалась мама и отбирала у них лампу. Покупатели сердито ворчали:

– А вы неплохо разбираетесь в торговле, – и платили маме столько, сколько она требовала.

Мама никогда ни за что не платила полную цену. Многие вещи она делала сама, ее руки всегда были чем-то заняты. Она шила, вязала и без устали трудилась в поле. Мамины грядки никогда не пустовали. Весной она сажала картошку, а также салат, просвирник, чеснок, шнитт-лук, перец и кукурузу. Около забора вокруг дома она выкапывала ямки для цукини, а рядом с полем высаживала бобы. Мама выращивала кунжут и огурцы, собирала листья тутового дерева. Ее можно было застать или на кухне, или на грядках, или на рисовом поле. Она копала картофель и батат, собирала цукини и капусту, тянула из земли редьку и редис. Мамин труд подтверждал, что ничего не вырастает само собой и сначала надо посеять семена, а потом изо дня в день ухаживать за посадками. Она платила только за то, что нельзя было вырастить из семян: за утят и цыплят, бегающих по двору весной, за поросят, запертых в хлеву.

Как-то раз собака родила девятых щенков. Месяц спустя мама оставила двоих щенков, а шестерых посадила в корзину и еще одного, которому в корзине не хватило места, взяла на руки.

– Пойдем со мной, – сказала она мне.

Автобус был битком набит людьми, которые ехали в город продавать всевозможный товар, кто-то вез мешки с сушеным перцем, кунжутом и бобами, а некоторые – корзинки, в которых лежало всего несколько кочанов капусты и немного редьки. Когда вся эта толпа высыпала из автобуса и тут же образовала длинный ряд на городской остановке, прохожие стали подходить и прицениваться к товару. Ты положила пригревшегося на маминых руках щенка в корзинку к остальным копошащимся внутри живым комочкам, присела на корточки рядом с мамой и стала дожидаться покупателей. Щенки, о которых мама заботилась целый месяц, были упитанными и здоровыми, очень ласковыми и не проявляли к людям никакой враждебности. Они виляли хвостиками, глядя на людей, собравшихся вокруг корзины, и лизали их руки. Наших щенков раскупили гораздо быстрее, чем капусту, редьку и бобы. Когда корзинка опустела, мама поднялась и спросила:

– Чего бы ты хотела в подарок?

Ты взяла ее за руку и пристально посмотрела в глаза маме, которая так редко задавала тебе этот вопрос.

– Я спросила, чего бы тебе хотелось?

– Книгу!

– Книгу?

– Да, книгу!

Мама выглядела так, будто ты застала ее врасплох. Она некоторое время растерянно смотрела на тебя, а потом спросила, где здесь продают книги. И ты повела маму в книжный магазин при входе на базар, куда вели все дороги. Мама не пожелала заходить внутрь.

– Выбери книгу, – велела она, – спроси, сколько она стоит, а затем выйди и скажи мне.

Даже покупая галоши, она заставляла тебя примерить каждую и, в конце концов, платила меньше, чем просил продавец, но выбирать книгу она предоставила тебе и, похоже, не собиралась торговаться. Неожиданно магазин показался тебе огромным, словно прерия. Ты растерялась, не зная, на чем остановить свой выбор. Ты мечтала получить в подарок книгу, потому что никогда не успевала до конца дочитать те книги, которые братья приносили из школы. Книги в школьной библиотеке отличались от тех, что Хун Чол приносил домой. Это были книги вроде *«Тетишка Са отправляется на Юг»* или *«Жизнеописание Шин Юн Бока»*. Книга, которую ты выбрала, называлась *«Человеческое, слишком человеческое»*. Мама, собираясь заплатить за книгу, которая впервые в твоей жизни была не просто сборником текстов для чтения, вдруг пристально посмотрела на обложку:

– Тебе точно нужна эта книга?

Ты поспешно кивнула, беспокоясь, что она вдруг передумает. На самом деле ты и понятия не имела, что это за книга. Автором был некий Ницше, но ты никогда о нем не слышала. Ты

выбрала книгу лишь потому, что тебе понравилось название. И мама дала тебе деньги на книгу и не стала спорить о цене. На обратном пути, сидя в автобусе, ты прижимала к груди книгу, как щенка, и зачарованно смотрела в окно.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.